

ОТПУСТИТЕ МЕНЯ В ТОРОНТО!

Наталья ЗИМЯНИНА

По приглашению Канадской Оперной компании наш музыкальный обозреватель провела там неделю

Визитная карточка - 1999. - 23 окт. - 4 Б.

Главными остаются все-таки музыкальные впечатления. Каждый меломан легко меня поймет: сравнивать публику, оркестры, постановки — изощренное наслаждение. Ходишь в чужом краю эдаким Чайльд-Гарольдом, только с прищуренным глазом: а ну, как вы тут, в своем Торонто, лучше нас или хуже?.. Короче, я писала про Ниагару — а в голове мешалась "Травиата", будто созвучие неслучайно. Смотрела живых динозавров в Королевском музее Онтарио — а вспоминала другое суперсовременное ископаемое: знаменитый "Призрак в опере" Уэббера, на который попала практически из аэропорта.

Как догнать призрак

Спешка была связана с тем, что "Призрак в опере" после десяти лет ежедневных представлений игрался последний раз (меня ждал!).

Начнем с того, что в Москве он ежеутренне терзает меня по дороге на работу из динамика 38-го киоска в "трубе" на Пушкинской. А теперь я сама догнала его и ухватила за длинный хвост.

"Призрак" был поставлен десятилетие назад одновременно в Торонто, Лондоне и Нью-Йорке; спектакли похожи как три капли воды: одна и та же интерпретация и даже одно и то же здание. Специально для "Призрака" было построено три одинаковых, но как их!

Здание косит под старину — под традиционный театр XVIII-XIX веков: колонны в фойе, многометровые цветные панно меж ними. И все — стилизация, туфта, гигантская декорация. Зал с балконами — тусклое мерцание золота в темно-зеленом бархате. Канадцам показывают: так-то оно бывало в старой доброй Европе.

У подъезда — старичок-швейцар с несчастливым лицом. Через раз подъезжают на такси. А некоторых привозят рикши на двуколке — верите?

Капельдинер, разносящий в зале бинокли на лотке, выкрикивает свое предложение по-старинному зычно. Т.е. представление начинается задолго до открытия занавеса. (Как у нас "Десять дней, которые потрясли мир" на старой-престарой Таганке когда-то).

Сам спектакль — чудо современной театральной машинерии, зависть любого режиссера до утробы локтей. Одно только вознесение и падение лостры (типа нашей в Большом) чего стоит. Безупречны все подсветки-досветки и подзвучки-дозвучки (о последних можно догадаться только потому, что дирижер живого оркестра время от времени "зачем-то" надевает наушники).

В Канадской Оперной компании о "Призраке" говорят свысока, как о поделке, зрелище для обывателя. Каждому свое. Канада не прошла через "Черный квадрат", а мы — через потрясающий конвейерный "Призрак". Уж не знаю, кто больше потерял.

Лондонская прививка

Теперь наконец-то о главном виновнике моей фантастической поездки. Что это, собственно, за Канадская

Оперная компания? Через три месяца ей будет 50 лет. Роль этой торонтской компании в культурной жизни Канады — первостепенная. В сезон ставится шесть спектаклей, которые шесть раз практически подряд (скажем, в течение месяца) идут в исполнении приглашенных звезд со всего мира. Хор и оркестр свои, как и ряд постоянных солистов. Все это — примечательная модель театрального образования, не привитая у нас. Ее генеральный директор — выдающийся английский дирижер Ричард Брэдшоу.

Брэдшоу — музыкант изысканного образования, явно точный просветительский зудом. И выбрал он себе поэтому стезю пахаря плодородной, но все еще маловозделанной почвы. Главная для Брэдшоу как личности — вместе с пастой вновь пройти все университеты, самому сформировать общественный вкус.

Репертуар компании — оперы от барокко до XX века, включая современных канадских композиторов XX века (19 мировых премьер. Кто бы у нас так занялся нашими современными операми?). Плюс лекции — режиссеров, музыковедов, артистов.

Урожденный лондонец, Брэдшоу отлично понимает, что Торонто, которому нет и двух веков, необходимо пройти этап (и закрепиться на нем), когда средоточием культуры, украшением города становится именно Оперный театр. Пока компания арендует "Хэммингбед-центр", но через два года будет готова мечта Брэдшоу — собственный театр на две тысячи мест с техническими возможностями не хуже "призрачных".

Постановки подбираются им хитро: и простенькому зрителю надо угодить, и интеллектуалу местного окраса. Характерно, что этот сезон открыли двумя излюбленными операми итальянского репертуара: в первый день — шоковая "Травиата" в постановке Дмитрия Бертмана; сразу за ней — зализывание ран традиционным (вообще, по-моему, без режиссуры) "Любовным напитком". С битком набитым залом. И поди разбери, кто тут

интеллектуал, а кто просто "пошел в театр".

— К тому времени, как я начал руководить компанией, я точно знал, что хотела местная публика, — признается Ричард Брэдшоу. — И я вынужден время от времени делать неинтересные для меня вещи вроде "Любовного напитка". Нельзя же ставить только новое, острое. Хотя я уверен: мы должны идти вперед всех...

— Мы — это кто?
— Мы с Димой.

Они с Димой

— Я знал, что с "Травиатой" будет скандал, — продолжает Ричард. — Но какой хороший, какой прекрасный это скандал! Вы посмотрите — в Торонто только и судачат что о нашей премьерке... Я познакомился с Бертманом на Уэксфордском фестивале в Ирландии в 1986 году, когда он показывал там свою "Пиковую даму", и сразу понял, что должен с ним работать. Так, как приняли здесь "Травиату", — это высшее проявление неравнодушия. Культура Канады еще очень молода. Я, европеец, тоже многого не могу здесь понять. Но я их тут научу. Медленно, но научу!

И публика уже многое умеет — например, не сидеть застыло на спектаклях. Да, она еще не привыкла дарить цветы исполнителям. Зато оркестр был совершенно счастливым, что все газеты, писавшие про "Травиату", хоть парой строк отметили: оркестр играл хорошо, а хор хорошо пел. Ведь когда я только начинал работать в Торонто, хор и оркестр даже не упоминали! Привыкнул. Кому тут нужен был Яначек, например? А мы поставили почти все его оперы. По-чешки! Сделали "Ожидание" Шенберга. "Царя Эдипа" Стравинского. И публика постепенно дозревает.

Критика

Публика публикой, а критика разродилась на следующий же день. Это были самые интересные статьи в торонтских газетах, не пестрящих событиями и идеями. Схема рецензий — та же, что и у нас: пересказ бертмановских находок и "приколов" (собственно, самое интересное); затем мысль, что они вообще-то ни к чему; потом три-пять строк о главных исполнителях, хоре и оркестре. И как-нибудь остроумная загогулина в конце, вроде: "Советую познакомиться у Виолетты темные очки и просто слушать оркестр". Повезло торонтским критикам: вот и здесь появился режиссер, который будет их кормить: ведь рецензии на импонирующий им сладкий "Любовный напиток" были

так однообразны и похожи друг на друга, как агельсины!

Критика возмущалась: почему действие происходит в дискотеке? Альфред пользуется мобайлом? Виолетта умирает на белой просты койке среди прозаичных санитаров? И от туберкулеза или от СПИДа, в конце концов? Действительно, не зря предупреждал плакат: "Травиата", какой вы еще не видели!"

Дмитрий Бертман лишил наивных торонтцев красивой сказки. Ведь какая женщина не мечтает умереть под бархатным балдахин? Но не в стерильной же палате в больничном рубище!

В спектакле, конечно, появятся и старинные платья от Татьяны Тулубьевой. И первым будет кринолин служанки Анины (на снимке). Как это часто бывает в постановках Бертмана, трехстепенный персонаж выводится на авансцену. Черный шлейф невозмутимой Анины с каждым действием будет все расти — он-то и утянет Виолетту на тот свет, где уже не считают века: XVIII или XXI-й. Анина — это определенно Смерть. С помощью режиссера певица и актриса Лизель Федкенхейер создает настолько условный, нечеловеческий образ, что Виолетта с логичной легкостью поддается тихой воле этого инфернального существа.

Другая блестящая находка Бертмана дала повод одному из критиков начать свою рецензию так: "Мое терпение лопнуло, когда..." Нет, поистине торонтские газеты стали продолжением спектакля, как швейцар перед театром для "Призрака" — его начало. Речь идет о сцене, когда Жермон "заводит ضوء шарманку", исполняя невозможной красоты, но и избитости, арию "Ты забыл край милый свой". А в это время на втором плане слуга аккуратными прикосновениями перьевой метелки снимает пыль с дверей! Гениально то, что двери — пять подряд, и по мере продвижения слуги от первой к последней зритель (а не только слушатель!) видит временной и даже, так сказать, пространственный объем арии. Это может дать целое направление не только в оперном театре. Но в данном случае такие "песочные часы" сбивали пошлый пафос, не давали солисту выпастить из действия — встать, как пень, посреди сцены лицом к публике и, аккуратно следя за диафрагмой, исполнить практически вставной номер.

Торонтцы, хоть и предупрежденные у входа, хотели "Травиату" декоративно-прикладную, а получили пронзительную, боющую по нервам, максимально ушедшую от усредненности. Находок было много, да не все читались. Естественно, никто не понял, что пишет пальчиком в воздухе Виолетта (это был "заветный вензель" — как у Пушкина "О" да "Е"). Грустно, что не прочелся Рембрандт: Альфред в конце арии Жермона падает перед отцом на колени — живой "Блудный сын". Но этого художника здесь знают немногие. Ужас.

Верди не обидели

А не случилось ли, что все режиссерские изыски пошли в ущерб музыке? Вот что было бы действительно ужасно. Как Брэдшоу удалось ужиться с известным "московским гением-иконборцем" (так смешно звали здесь Бертмана)?

— Встретившись впервые по поводу спектакля, мы практически сразу обо всем договорились, — рассказывает Ричард. — Я убрал из музыки все старомодно-манерное. А Диме, когда его особенно находило, советовал: «Вот эта твоя записка будет работать; а этот твой ход — совершенно впустую». Мы уважительно относились к замечаниям друг друга. Работалось с ним легко: Дима — блестящий режиссер и очень открытый человек, просто с сердцем на ладони.

Их общий спектакль начался с нежнейшей увертюры — когда слух отказывался по долгу службы различать инструменты. При этом Брэдшоу как дирижер сразу идет на самоотречение: во время вступления на сцену уже "выпльвает" служанка-Смерть, заставляя в скульптурной позе. В зале — пересуды: кто восторгается, кто недоумевает (так и задумано). И дальше именно оркестр задает спектаклю

непререкаемый темп, не давая певцам упериться индивидуальной славою, а публике — ненужными действиями аплодисментами. Дирижер, сиюсекундный хозяин сцены, во многом подчинившись прихотям режиссера, ухитрился нигде не разрушить ткань, умело сплетенную Верди в XIX веке и Бертманом — в конце XX-го.

Про Брэдшоу хочется написать какую-нибудь хрусталинку, так же лаконично сверкающую граммами, как его оркестр, да слова все резиновые и неуклюжи.

Так и хор Канадской Оперной компании — поет как дышит. Что стоит во всей этой невероятной сложности массовых сцен сохранять буквально клиповую звуковую стройность — известно опять же только Бертману и Брэдшоу.

Володина судьба

В торонтском спектакле все бертмановские заморочки достойно покоились на таланте и мастерстве в том числе и солистов. У Бертмана не бывает проходных ролей (за это артисты его просто обожают). Тем более, что в "Травиате" идеально подобраны Жорж Жермон (Газтан Лаперье), Флора (Кристина Сабо), барон Дюфоль (Корнелис Опхоф).

Виолетту поет болгарка Цветелина Васильева. Разделяю вкус Брэдшоу к сопрано: голос у Цветелины с тем самым таинственным женственным изломом, переливом, который очаровывает мужчин.

Цветелина-певица не зря пошла на уступки актрисе: Виолетта у нее получилась не столько хрупкая и трогательная, сколько беспокойная и трагическая, при этом не отчужденная от вокала. А уж если тенор (они нынче капризнее примадони!) доволен друзьями — это что-нибудь да значит!

На долю Владимира Гришко (Альфред) выпала не меньшая слава. Какой мягкой, ласкающий тенор, как легко звучит он в "Застольной"! В такие украинские тенора генетически заложена особая пьянящая красочка, идущая от самой души, но отличная от итальянской. Полетность Володина голоса тоже кажется природной — и вся прелесть в тайне: а так ли это? А трагические нотки, подлинная страсть певца столь культурны, что буквально спасают и самые рискованные режиссерские сцены. Например, ту, когда Альфред швыряет Виолетте не купюры, а... мелочь, только что выигранную в автомате. Пляска с ним в финале (не заглушить Виолетту!) — чудо для каждого меломана, привыкшего к стереотипной "Травиате".

Гришко уже восемь лет поет в

"Метрополитен Опере".

— Я очень рад встрече с Димой, — говорит он. — Я сразу почувствовал, что этот режиссер готов к соприкосновению певцов. Он был готов, что придет такой народный артист Украины... Но я-то понимаю: сейчас время не певцов, не дирижеров, а режиссеров! Я с трудом, но смирился тем, что во втором действии мне, например, надо петь лежа. Думаете, легко? Мы все, певцы, азарта артистического ради, совершили подвиг: пустились против течения...

Выпускник Киевской консерватории, Гришко — лауреат многих международных конкурсов, в частности, получивший Гран-при в Испании в 1989 году с титулом "Лучший тенор" и призом Пласидо Доминго.

— Если бы я остался на Украине — я бы сдох. Из-за одного только незнания вершин, которых уже достигла мировая опера. На Украине действительно рождаются чудесные, неслыханные тенора. Но они понятия не имеют, как распорядиться голосом. Что нам оставалось — сдирали все с пластинок Джильи... Я не сволочь, не уродина, не продал Родину — я строю себе дом на украинских кручах. Выйду на пенсию — перееду туда. Даже баритон Джан Фу из "Мета" собирается вернуться в свой Китай... У меня тоже потребность в энергетике родной земли. В полосу, куда ты попал как Бог распределил. Меня Карпаты заново перезаряжают. А поехал в такие же горы в Швейцарии — никакого впечатления...

Нежные

Художники Татьяна Тулубьева и Игорь Нежный — муж и жена. Вместе оформили больше ста спектаклей. На мой взгляд, именно их приход в "Теликон-оперу" в 1996 году кардинально изменил отношение Москвы к режиссуре Бертмана и тем — саму судьбу театра. Нежные часами высиживают с Бертманом каждый следующий спектакль. Так работал Боровский с Любимовым, Свобода с Крейчей. Бертман часто мешал век XIX с XX-м, его мотает по столетиям — как и здесь, в торонтской "Травиате". Но исключительный вкус Нежных заставляет поверить: это не эклектика! Как мы с трудом различаем века XVIII и XIX-й, так и следующий век, возможно, не увидит особого различия между двумя предыдущими.

В "Травиате" часто голубой свет по серому мрамору (Бонни Бехер) — нет, это определенно не сказка, а скорее триллер. Гигантский, будто фарфоровый или заледеневший, поникший цветок или букет на крыше загородного дома Виолетты и Альфреда — эдакая цветочная химера, подлинное произведение искусства (выдумка Игоря) — осталась незамеченной не только зрителями, но, что очень странно, критиками. Вместе с тем публика каждый раз аплодировала (как провинциалы в Большом театре) разноцветным пейзажным домикам "Любовного напитка", похожим на другой фарфор — китайский, "под Европу", которым завалены все дешевые торонтские лавочки...

Нежные — талисман режиссера Бертмана. И вперед у них в "Теликоне" — дважды "Макбет": оперы Шостаковича и Верди. Хоть бы одним глазком заглянуть в их мастерскую под крышей театра!

Вот такая "Травиата". Такое вот Торонто. Прилетела туда — и показало, что все только тебя и ждали: и музеи, и театры, и белки в скверах, и солнечный берег Онтарио. Вернулась в Москву — адаптируюсь с трудом: какое-то кошмарное ощущение, что никому, кроме родственников, ты не нужен, да и то еще вопрос.

В мае придет Брэдшоу. Во-первых, будет слушать молодых певцов "Теликона" — его очень заинтересовал этот театр. Во-вторых, продирижирует в зале им. Чайковского "Травиатой" или "Макбетом" в концертном исполнении. В-третьих, может быть, о чем-нибудь наконец договорится с Большим театром: уже планировали "Саломею" Штрауса по-немецки, но, естественно, по вине нашей стороны все сорвалось. А у него в Торонто к весне уже отойдут и Хворостовский, которому почему-то не нашлось места в Большом, и Марина Мещерякова, которая там фактически только числится. Но ведь все же любят, когда их ждут и дожидаться не могут, правда же?

Спасибо всем, кто сделал возможным эту поездку: Ричарду Брэдшоу и Дмитрию Бертману; сотрудникам Канадской Оперной компании Кирку Томсону — за организационные хлопоты, а Барборе и Эмили Кришек — еще и за переводческие; Линди Коуэн и Сильвии Маценко — за гостеприимство; геликоновке Свете Квитчатой и секретарю Канадского посольства в России Марку Онгенорту — за понимание и оперативность.